

ПОЭЗИЯ

Птицелов

К столетию Эдуарда Багрицкого

Эдуард Багрицкий.

Достойны уважения поэты, не прельстившиеся псевдонимами, сохранившие скромные, неприязнательные фамилии, доставшиеся от родителей, и в конце концов сообщившие этим родовым кличкам непривычную звонкость и незаемную значительность. Например, Клюев, Тихонов, Оболдуев или, скажем, наши современники – Поделков, Тряпкин... Да что там, фамилия Пушкин звучала некогда смешно и легковесно! Пастернак – скандально-анекдотическая фамилия, а как теперь звучит возвышенно! Увлечателен этот подвиг освобождения от наследственной коросты, налипшей пошлости. Подвиг преодоления, совершаемый силой деяния, поступка, преображенного звука. Что касается Багрицкого, то ему пришлось преодолевать пошлость рано придуманного псевдонима. Родившийся в еврейской мещанской, мелкобуржуазной и малокультурной семье Дзюбины, он первоначально не был ни Багрицким, ни Эдуардом Георгиевичем. Отцвели красные зори и упали знамена, но родство его поэзии с каким-то благородным багрецом все же утвердилось.

Вероятно, поэзия – только великая поэзия. И в общем от поэта, увы, остается немного. Томик, полноценный сборник. Если, разумеется, этот поэт не Пушкин, автор двухтомника великих стихотворений и поэм... Не все заслуживает массового издания. Услужливые друзья Багрицкого, движимые искренней любовью и собравшие том большой серии «Библиотеки поэта», оказались «опаснее врага». Поэзия погребена в этом тридцатилетнем томе под грудой средних и посредственных текстов, преимущественно ранних.

Конечно, дарование и раннего Багрицкого было замечено сведущими людьми еще в родной Одессе. Прозаик Юрий Олеша сочинил восторженный рассказ о том, как Багрицкий, изумляя профессора-стиховеда, пишет сонет в пять минут. Но ведь и то не диво для умелой руки. Еще надо бы взглянуть на этот сонет... Багрицкий все отдалялся от своих юных стихов. В конце концов из них ценно только одно, но действительно замечательное и врезавшееся в память стихотворение – «Суворов», написанное, несомненно, под влиянием Кузмина и тем не менее своеобразное.

Багрицкий хорошо знал и предшествующую, и современную ему поэзию, чье постоянное давление на его творчество ощутил. Это было влияние не только высочайшей классики, но и мотивов, заимствованных у поэтов второго ряда – у Жуковского, Ивана Козло-

ва, Полонского, Алексея Толстого, Майкова, Случевского. Конечно, он испытал воздействие поэзии всех видов символов, а также Анненского, Бунина, Кузмина, некоторых вещей Волошина. Не остался чужд веяниям кубо- и эгофутуризма. Его прямыми учителями были акмеисты. Отсюда – культура эпитета, мускулистость и подвижность стиха, плотность ткани, вещность. От английской баллады пришли резкость и энергия эллипсисов («Сквозь волны – навывлет, Сквозь дождь – наугад!»). Он явно любил «проклятых» французских поэтов, «парнасцев», густую фламандскую живопись, роман де Костера.

Состоявшимся мастером Багрицкий явился в сменившее серебряный век время, которое хотелось бы называть «медным веком» (позже наступили времена, сработанные из совсем никудышного материала). Это был последний «призыв» значительных сил плодотворной провинции в русскую поэзию. В Петрограде быстро прогремели обернуты и среди них – Заболоцкий и Вагинов. Из Сибири в Москву приехали Мартынов, Сергей Марков, Павел Васильев. Но еще раньше ряд захвативших главную сцену поэтов дала Новороссия – Юго-Запад. Из этих поэтов Багрицкий бесспорно талантливейший. Его участие в кружке «недужинной дюжины» конструктивистов не было случайным. Сельвинский назвал сложившуюся группу «буфером Польши между поэзией и рифмованной лапшой кумачовой хаттуры». И все же конструктивизм не был примитивом и упрощением. Скорее попыткой синтеза.

Багрицкий, Сельвинский, Луговской безоглядно и самозабвенно славили революцию и нечаянный праздник новизны быта. И тем не менее они же угадывали многое в быстро густеющей мгле будущего. Ужас пробивался в звуке... В конструктивистских поэмах выковывался стих, который спустя десятилетия прозвуч-

чал в поэзии и Евгения Рейна, и Юрия Кузнецова. Стих, который стал «средством доставки», обеспечившим полет нового «содержания». Стих, вынесший Иосифа Бродского к Нобелевской премии.

Это были новации. Но лично у Багрицкого есть еще особая заслуга. В русскую поэзию вдохновенно и дерзостно он ввел «шевченковский» стих, стал у нас неожиданным продолжателем гениального «кобзаря». Казалось, трехстопник этот скуден, скоеван, лишен маневренности, хромоног. В «Думе про Опанаса» он изощренно мощен, блистателен: «Где широкая дорога, Вольный плес днестровский, Кличет у Попова лога Командир Котовский. Он долину озирает Командирским взглядом, Жеребец под ним сверкает Белым рафинадом. Жеребец подымет ногу, Опустит другую, Будто пробует дорогу, Дорогу степную. А по каменному склону Из Попова лога Вылетают эскадроны Прямо на дорогу... От приварка рожи гладки, Поступь удалая, Амуница в порядке, Как при Николае».

Старшие по возрасту поэты, как правило, не любили Багрицкого. В записях Бунина есть раздраженное упоминание его имени. Боготворимый Багрицким Мандельштам ядовито уверял, что, описывая Можайское шоссе, советский романтик видит на нем Наполеона, а шоссе не видит. Лучше к молодому своему ученику относились Нарбут и Зенкевич. Был благосклонен скупой на хвалу Кузмин. О былой недооценке Багрицкого сожалел поздний Пастернак... Но Багрицкого любили поколения, шедшие за ним. Его ценили и Тихонов, и Заболоцкий. Едва ли не самый способный из тогдашних начинающих Ярослав Смеляков, волнуясь и задыхаясь, вспоминал о ровесниках: «Над нами тень Багрицкого витала И шелестел Есенин за спиной».

Одаренные поэты «фронтного» поколения (Винокуров, например), бывало, переписыва-

ли Багрицкого целыми блоками, выхватывая куски из его поэм. Трудно было найти новые слова для новой войны...

О жизненных компромиссах и деформациях, о страхах и отважных порывах Багрицкого хорошо рассказано современниками. Например, в стихотворных и прозаических воспоминаниях Семена Липкина. Современные черносотенцы изображают Багрицкого чудовищем, прокламировавшим ложь, убийство и надругательство. На деле он мучительно переживал катастрофу русской культуры. В его душе жила жалость, желавшая покориться чьей-то сильной воле, он пытался превратить свою человеческую бесхарактерность в решимость. В стихах это порою, как ни странно, удавалось.

Существенно то, что Багрицкий обладал большим дарованием. Независимый критик и тонкий знаток поэзии Александр Межиров высказал мнение, что оно было крупнее и первороднее мандельштамовского. Возможно, он прав – пусть ужасается все Мандельштамовское общество! Но дело-то в том, что талант – только одно из слагаемых личности поэта. Хотя что говорить, необходимо.

По дороге – долгой и мучительной – было брошено много пустой породы. Но «отбирается» Багрицкий довольно легко. В сущности, точный отбор сделан им самим. Нетленная часть его творчества сводится к сборнику «Юго-Запад» и нескольким более поздним стихотворениям. Значительны также поэмы «Последняя ночь», «Дума про Опанаса», «Февраль». В «Последней ночи» есть строки гениальные: «Над Францией дым. Над Пруссией вихрь. И над Россией туман...» Воздействие этих стихов на все последующее велико.

Багрицкий умер 16 февраля 1934 года. Своевременно. До великих «посадок». Обычная фраза авторов предисловий: «Его провожал в последний путь эскадрон кавалеристов». Однако лет через 15 к Багрицкому вернулись и помнили покойного как «буржуазного космополита» в пору соответствующей кампании...

Стихи, написанные на его смерть Аделиной Адалис, поистине прекрасны:

*Нам голос умершего друга
В глубокую полночь звучал...
Сердитый, смешной и знакомый,
Он громко дышал и хрипел,
Он громко о жизни зеленой,
О воинской свежести пел...*